

# РЫНОК ТРУДА ЭКСКЛАВНОЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Л. Л. Емельянова,  
А. В. Лялина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,  
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 26.10.2020 г.  
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-4  
© Емельянова Л. Л., Лялина А. В., 2020

*Пандемия коронавируса COVID-19, охватившая весь мир, стала серьезным вызовом для функционирования российского рынка труда. Цель исследования — изучить последствия пандемии в эксклавном регионе России — Калининградской области — и ответить на вопрос, как территориальная обособленность рынка труда, его небольшие объемы в условиях кризиса локдауна реагируют на столь резкие изменения занятости, доходов населения и снижение потребления; в какой степени обычно насыщенный трудовыми мигрантами рынок труда справляется со стремительно возникшим дисбалансом спроса и предложения. Проведенный мониторинг официальных статистических данных регионального правительства и подведомственных ему учреждений показал, что рынок труда российского эксклава на Балтике достаточно жестко отреагировал на изменения, вызванные остановкой работы предприятий и организаций в первую очередь в самых уязвимых секторах экономики: промышленность, гостиничная индустрия, предприятия общественного питания, туризм, деятельность по операциям с недвижимым имуществом, транспортировка и хранение. Выросла безработица, и ее значения выше, чем среднероссийские, растет задолженность по зарплате, количество вакансий снижается. Сохранение на прежнем уровне привлекаемой из-за рубежа и других регионов страны рабочей силы может ухудшить ситуацию. Принимаемые региональными властями антикризисные меры показывают свою эффективность, но в условиях обособленности рынка труда, на наш взгляд, являются недостаточными.*

## **Ключевые слова:**

кризис локдауна, COVID-19, пандемия, миграция, рынок труда, безработица, трудовые мигранты, Калининградская область, Россия

## **Введение**

Опубликованный в апреле 2020 г. доклад Международного валютного фонда (МВФ) под названием «Великий локдаун»<sup>1</sup> дает ряд определений кризису, который наступил в результате распространения коронавирусной инфекции по всему миру. Эксперты МВФ отмечают его непохожесть ни на какой другой кризис, неопределенность

<sup>1</sup> World Economic Outlook: The great lockdown. Washington: International Monetary Fund, 2020. 158 p.

**Для цитирования:** Емельянова Л. Л., Лялина А. В. Рынок труда эксклавной Калининградской области в условиях пандемии COVID-19 // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 61–82.  
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-4.

относительно продолжительности и интенсивности, сложность в выработке предложений стимулирования экономической активности и выявления роли экономической политики. По мнению экспертов, выход из кризиса потребует двух этапов — сначала этапа сдерживания и стабилизации, за которым последует этап восстановления. Частичное восстановление мировой экономики МВФ прогнозирует на 2021 год, при этом отмечается также, что уровень ВВП будет оставаться ниже предкризисного тренда<sup>2</sup>.

Данный экономический кризис, хоть и отличается от предыдущих, является одним из череды кризисов XXI века, которые в значительной степени трансформируют рынки труда по всему миру, повышая, как правило, их гибкость. Гибкость рынка труда, в свою очередь, позволяет ему адаптироваться к изменениям в экономике, в том числе через рост безработицы. Проведенные исследования [1; 2] доказывают, что влияние кризиса на рынок труда неомогенно, что определяется его сегментацией по разным характеристикам — по полу, возрасту, образованию, гражданству, способу заключения трудового договора и др. Как доказали ученые на примере Италии [3] и других стран ОЭСР [4; 5], повышенная гибкость рынка труда подвергает риску безработицы в первую очередь молодежь и наименее квалифицированных (временных) работников как наименее защищенные категории работников. Существует и другой путь адаптации рынка труда к потрясениям без существенного высвобождения рабочей силы — через сокращение, задержку или невыплату заработной платы [6; 7]. Указанные последствия, как доказывают сегодня ученые, приводят к дальнейшему расслоению общества и нарастанию неравенства [8].

На данный момент масштабное сдерживание мобильности населения спровоцировало кризис предложения рабочей силы, в то время как во время прежних экономических потрясений главной проблемой рынка труда было падение спроса на рабочую силу [9]. Введение режимов самоизоляции практически повсеместно стимулировало развитие платформенной экономики и краткосрочных контрактов с постепенным «перетоком» туда иностранных работников низкой квалификации [10; 11]. Кроме того, важной особенностью локдауна стал разрыв хозяйственных связей по всему миру вследствие закрытия границ, что поставило под вопрос дальнейшую глобализацию всего мира и актуализировало вопрос о возврате к национальным государствам [12]. Такой шок предложения подтолкнул рынок труда к дальнейшей цифровизации рабочих процессов и трансформации реальной миграции в виртуальную, предоставив преимущества тем экономикам и странам, где уровень развития информационно-коммуникационных технологий выше<sup>3</sup> [10; 13; 14]. Коронавирусный кризис в наибольшей степени затронул непроизводственные виды экономической деятельности, в то время как в другие кризисы наиболее пострадавшим был производственный сектор [15].

Российский рынок труда, по мнению экспертов, избежал взрывного роста безработицы и падения занятости населения [16–18]. Такой сценарий развития ситуации, согласно шестому отчету Международной организации труда, в целом соответствует общемировым тенденциям<sup>4</sup>. Экономисты Высшей школы экономики В. Гимпельсон и Р. Капелюшников, опираясь на серию проведенных в мае и июне 2020 года опросов, направленных на изучение последствий «ковидизации» российского рынка труда, заключают, что наиболее сложная ситуация сложилась в апреле — мае, в июне наметились тенденции стабилизации. Авторы исследования от-

<sup>2</sup> *World Economic Outlook: The great lockdown*. Washington : International Monetary Fund, 2020. 158 p.

<sup>3</sup> *Teleworking during the COVID-19 pandemic and beyond. A practical guide*. Geneva: ILO. 2020. 47 p. URL: [https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed\\_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms\\_751232.pdf](https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_751232.pdf) (дата обращения: 13.10.2020).

<sup>4</sup> *ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Sixth edition. Updated estimates and analysis*. 2020. URL: [https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms\\_755910.pdf](https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_755910.pdf) (дата обращения: 22.09.2020).

мечают, что зарплатная реакция в российских регионах объясняется традиционно высокой институциональной гибкостью зарплатообразования и определенными административными и финансовыми сложностями стремительного увольнения работников. В то же время в малом бизнесе и на микропредприятиях возможностей для увольнения сотрудников больше, поэтому регионы с высокой долей малого и микропредпринимательства в экономике в большей степени подвержены росту безработицы, чем регионы, экономика которых базируется на крупном бизнесе. Опрос показал, что наиболее уязвимыми отраслями здесь оказались промышленность, строительство, транспорт, торговля и услуги. Это подтверждают также исследования, построенные на анализе официальных статистических данных<sup>5</sup> [15].

Наиболее устойчивыми к принятым ограничениям стали сферы информационно-коммуникационных технологий, бюджетная и финансы, которые в том числе смогли перейти на удаленный режим работы. Дополнительно не ощутили изменений на рынке труда работники сельского хозяйства, государственного и муниципального управления, полиции, а также крупных организаций.

Согласно официальным данным Росстата, в целом российский рынок труда отреагировал на изменения в экономике лишь незначительным сокращением занятости с 59,1% в марте 2020 года до 58,3% в августе 2020 года и соответствующим ростом общей безработицы с 4,7 до 6,4% при падении ВВП на 8% в пик коронавирусных ограничений в апреле — мае 2020 года. В последующем отмечались позитивные тенденции, в числе которых рост занятости<sup>6</sup>.

Закрытие государственной границы РФ с другими странами и ограничения международного транспортного сообщения значительно повлияли на объем и структуру предложения иностранной рабочей силы. Проведенные ранее исследования указывают на то, что очень часто международная трудовая миграция используется в качестве инструмента политики «гибкозащитности» [19]. Вместе с тем мигранты в большей степени подвержены вероятности быть уволенными или переведенными на неполный рабочий день, у них выше риск остаться без оплаты труда в отличие от работников из числа местного населения. Согласно данным различных соцопросов, проведенных среди мигрантов в России в апреле — мае 2020 г., от 20% до 65% трудящихся-мигрантов в России остались без работы. При этом максимальное падение занятости (40%) характерно для Московской агломерации, где ограничения оказались самыми жесткими и были введены раньше, чем в других регионах [20; 21]. В приграничных регионах особую озабоченность вызывают «застрявшие» на границе безработные мигранты, не имеющие возможности вернуться на родину [20].

Кроме того, эксперты отмечают, что иностранные работники по всему миру оказались «заложниками» ситуации, поскольку в большинстве своем одни потеряли доход и возможность вернуться на родину, другие — возможность приехать на заработки в «дачный сезон» [22]. В России первые составляют наиболее уязвимую группу. Для них в пик кризиса были актуальны две проблемы — отсутствие заработка и окончание срока действия разрешительных документов. Голос правозащитников и диаспоральных организаций был услышан, и соответствующие меры для решения указанных проблем были приняты<sup>7</sup>.

<sup>5</sup> *Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире: аналитический бюллетень Высшей школы экономики.* 2020. № 10. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/381715657.pdf> (дата обращения: 22.09.2020).

<sup>6</sup> *Подтверждений* мрачным прогнозам не видно // Огонек. 2020. № 33. С. 14.

<sup>7</sup> *О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)* : указ Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Невозможность использования иностранной рабочей силы наиболее жестко ударила по сельскому хозяйству, привлекающему в основном сезонных работников, но также в несколько меньшей степени по сфере строительства и ЖКХ, куда российские граждане трудоустроиваться не стремятся<sup>8</sup>. Остались также не востребовавшими иностранные работники в сферах услуг (парикмахерские, клининг, транспортные услуги, няни, репетиторы и др.), общественного питания, гостиничного бизнеса [23]. В ряде стран (к числу которых не относится Россия), где отмечается высокая отраслевая зависимость от импорта рабочей силы, были приняты меры, поддерживающие занятость мигрантов [24]. В Сингапуре отменены ежемесячные сборы за иностранных работников для работодателей (англ. *foreign worker levy*), а в Республике Корея иностранные рабочие, подпадающие под систему разрешений на трудоустройство, включаются в налоговые меры по поддержке малых и средних предприятий. Послабляющие (иногда даже стимулирующие) административные меры были приняты также в странах, где потребность в мигрантах в период кризиса чрезвычайно выросла — это, например, работники сельского хозяйства, здравоохранения, ИТ в Германии, Италии, Великобритании и др.<sup>9</sup> [25]

Что касается межрегиональной трудовой миграции, исследователи прогнозируют ее рост после прохождения пика пандемии, прежде всего по направлению из российской глубинки в крупные экономические центры [26].

Аналізу последствий на калининградском рынке труда, в том числе с учетом изменившихся возможностей замещения рабочей силы извне, посвящена данная статья. В первой части исследования представлены основные меры по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции и поддержке социально-экономической сферы, оказавшие большое влияние на функционирование рынка труда и сферы миграции, систематизированные на этапы в соответствии с очередностью их введения. Вторая часть содержит анализ важнейших изменений на рынке труда в первом полугодии 2020 года и в период с января по август 2020 года. Наконец в третьей части приводятся результаты анализа трансформации объемов и структуры внешней и внутренней постоянной миграции, особенностей привлечения иностранной рабочей силы в Калининградскую область в первом полугодии 2020 года. В заключение авторами сформулированы выводы об эффективности принятых мер по поддержке регионального рынка труда и сферы миграции, предложены некоторые рекомендации по их совершенствованию.

### **Характеристика условий и ограничений, оказавших влияние на рынок труда и миграцию трудовых ресурсов в Калининградской области**

Анализ принятых ограничительных мер по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции в России и мер по поддержке социально-экономической сферы демонстрирует четкую стратификацию на этапы. На первом этапе — в январе — марте — решалась задача ограничения взаимодействия на внешнем контуре страны. С этой целью с 30 января 2020 года была закрыта государственная граница

<sup>8</sup> *Россия: сокращение числа трудовых мигрантов бьет по экономике?* // ИноСМИ.Ru: новостной портал. 2020. URL: <https://inosmi.ru/economic/20200720/247779693.html> (дата обращения: 21.09.2020).

<sup>9</sup> *International Migration Outlook 2020*. P: OECD Publishing, 2020. 369 p. doi: <https://doi.org/10.1787/ec98f531-en>.

с Китаем, а с 18 марта — въезд иностранных граждан в Россию. Важно отметить, что Калининградская область как приграничный регион, тесно взаимодействующий со своими соседями, у которых первые случаи заболевания коронавирусом были зафиксированы раньше, чем в России, одной из первых столкнулась с ограничительными мерами. Уже с 16 марта она оказалась фактически в транспортной изоляции, когда Польша и Литва закрыли свои границы для въезда иностранных граждан.

На втором этапе — в апреле—мае — постепенно вводились максимальные ограничительные меры, которые параллельно сопровождались максимальной поддержкой пострадавших отраслей экономики и населения в целом. С 27 марта было приостановлено авиасообщение с иностранными государствами. В Калининградской области с 20 апреля был введен режим обязательной самоизоляции для всех прибывающих из-за рубежа. Для смягчения миграционной ситуации в стране были приняты меры по приостановлению в период с 15 марта по 15 сентября течения срока ряда разрешительных документов для трудовых мигрантов (патента, разрешения на работу и разрешения на привлечение иностранных работников, разрешения на временное и постоянное проживание, вида на жительство, временное пребывание). Мигранты могли продлевать патенты без выезда из России. Кроме того, на этот же срок был объявлен запрет на принятие решений, которые ограничивают права пребывания в России в период пандемии мигрантов и участников Государственной программы переселения соотечественников.

Одними из самых кардинальных экономических ограничительных мер были те, которые устанавливали в стране нерабочие дни с 30 марта по 11 мая. Для поддержания экономики на федеральном уровне были разработаны меры в отношении системообразующих организаций. С этой целью был установлен перечень наиболее пострадавших в период пандемии отраслей экономики и системообразующих организаций, имеющих большое значение для функционирования экономики. Среди принятых мер — бюджетные субсидии в целях возмещения затрат, отсрочка (рассрочка) по уплате налогов, гарантии по кредитам или облигационным займам; субсидии для малого и среднего предпринимательства, социально ориентированных НКО. В Калининградской области зарегистрировано 237 социально ориентированных НКО. Из них, по данным Правительства Калининградской области на 01.07.2020<sup>10</sup>, 91 организация получила субсидию. На субсидирование социально ориентированных НКО в 2020 году было затрачено региональных средств более чем на 36 млн руб.

Помимо мер федеральной поддержки в Калининградской области с 14 апреля была установлена региональная субсидия малому и среднему бизнесу в размере от 15 до 100 тыс. руб. в зависимости от организационной формы предприятия и количества наемных работников. Кроме того, с этого срока была установлена финансовая помощь в размере 50 тыс. руб. жителям региона на открытие собственного дела и принято решение о субсидировании отдельных юридических лиц и ИП со среднесписочной численностью работников до 15 чел. Федеральный центр разработал ряд финансово-кредитных мер для пострадавших организаций: предоставление промышленным предприятиям займов от 5 до 30 млн руб., «кредитных каникул» ИП, малому и среднему бизнесу, выдача кредитов по ставке 0% для выплат заработных плат работникам, освобождение от уплаты налогов некоторым категориям плательщиков, упрощение требований к льготному кредитованию под 8,5% годовых. В Калининградской области для целей льготного кредитования бизнеса были задействованы средства Центра поддержки предпринимательства по ставке 0,1% на срок от трех до шести месяцев. Кроме того,

<sup>10</sup> *Реестр* СОНКО // Официальный портал Правительства Калининградской области. URL: [https://nko39.ru/razdel\\_nko/reestr.php](https://nko39.ru/razdel_nko/reestr.php) (дата обращения: 21.10.2020).

с 1 апреля были продлены сроки уплаты региональных и местных налогов для бизнеса, деятельность которого была приостановлена в связи с ограничительными мероприятиями.

Вслед за принятыми федеральными мерами, устанавливающими гарантии для арендаторов (субъектов малого и среднего предпринимательства) государственного, муниципального или частного имущества, в Калининградской области для предприятий малого и среднего бизнеса были перенесены сроки уплаты неимущественных налогов, которые будут начислены за I квартал (аренда земли) и в период с 1 марта по 31 мая текущего года, на 10 октября текущего года. В отношении предприятий и организаций с 14 апреля объявлен запрет на проведение плановых проверок, а также введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов с 6 апреля по 6 октября.

Меры социальной поддержки на втором этапе касались различных категорий граждан. С 15 апреля федеральный центр назначил дополнительные выплаты медицинским и социальным работникам. На апрель — июль установлены дополнительные выплаты на детей. В отношении безработных граждан принято решение об увеличении с 12 апреля по 1 сентября пособия по безработице. Региональные власти с 10 апреля установили для безработных единовременную доплату в размере 10 тыс. руб. Для граждан старше 65 лет, не перешедших на удаленную работу и не находящихся в отпуске, назначены выплаты пособий по нетрудоспособности. Принято решение о «кредитных каникулах» для физических лиц и запуске программы льготной ипотеки под 6,5% на кредиты, выданные с 16 апреля по 1 ноября текущего года.

Третий этап, который начался в июне 2020 года, связан со смягчением ограничительных мер и сохранением поддерживаемых. С 1 июня была открыта государственная граница и возобновлено авиасообщение с рядом стран, но при этом с 15 июля введен режим обязательной 14-дневной самоизоляции для иностранных граждан, прибывших в Россию для работы. Что касается экономической сферы, в Калининградской области с 7 июня были сняты ограничения на работу организаций и учреждений региона в сфере торговли и услуг. Для прибывающих в область из других регионов РФ с 22 июня снят режим обязательной самоизоляции, с 1 июля возобновлено железнодорожное сообщение с другими регионами страны. Такого рода смягчения длились до 1 октября. На момент написания статьи в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации был повторно введен ряд ограничений на деятельность кафе, ресторанов, игровых зон для детей. Поддерживающие социальную сферу меры третьего этапа были связаны с установлением доплат на детей для безработных граждан в июне — сентябре, снижением размера первоначального взноса с 20 до 15% по программе льготной ипотеки под 6,5%. Экономические рычаги поддержки выражались в установлении субсидии на профилактику борьбы с коронавирусом для малого и среднего бизнеса и социально ориентированных НКО, предоставлении кредитов по ставке 2% для социально ориентированных НКО и других представителей бизнеса с июня по 1 ноября текущего года.

В сфере миграционного регулирования произошли следующие изменения: с 25 июня был разрешен однократный въезд высококвалифицированным иностранным специалистам<sup>11</sup>, возобновлено течение сроков разрешений на работу, разрешений на привлечение иностранных работников и патентов, начиная с 16 июня.

Порядок введения различных мер абсолютно четко отражается на показателях рынка труда. Так, расширение государством системы поддержки безработных в апреле 2020 года вызвало подъем уровня официальной безработицы<sup>12</sup>. В то же

<sup>11</sup> *Распоряжение от 25 июня 2020 года № 1671-р.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>12</sup> *Подтверждений* мрачным прогнозам не видно. Сверхбезработица отменяется // *Огонек*. 2020. № 33. С. 14.

время наложение условий по получению льготных кредитов для бизнеса (под 2% годовых) в зависимости от сохранения штатного состава ограничило рост реальной безработицы на рынке труда. Большинство мер поддержки направлено на смягчение условий функционирования наиболее уязвимых в период борьбы с коронавирусом малых и средних предприятий и организаций. Однако, по мнению ряда экспертов, опирающихся на данные опросов предпринимателей и менеджеров, предлагаемыми послаблениями воспользовалась только треть хозяйствующих субъектов, что объясняется некоторыми неточностями в законодательстве, а также отчасти неясными перспективами выживаемости бизнеса в условиях ограничений<sup>13</sup>.

## **Изменения на рынке труда**

Введенные на федеральном и региональном уровнях ограничения в эксклавном регионе РФ — Калининградской области — имели более значительный мультипликативный эффект, чем в других регионах страны, существенно снизив в целом уровень безопасности региона. Причин этому несколько. Экономика региона функционирует в условиях высокой зависимости от импорта и транзита сырья и товаров. Дисбаланс спроса и предложения на мировых рынках не мог не сказаться на импортозависимых секторах региональной экономики, особенно в условиях закрытия государственных границ.

Кроме того, рынок труда Калининградской области имеет ряд особенностей, которые проявили себя в полной мере в условиях кризиса. В первую очередь это его небольшие объемы. При численности населения 1012,5 тыс. чел. (на 1 января 2020 году) численность рабочей силы, по данным за 2019 год, составила 535,8 тыс. чел, из них количество занятых в экономике 512 тыс. чел. Для региона характерна высокая степень занятости в сфере малого бизнеса. Предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, включая фермерские хозяйства, в 2018 году было занято 101,4 тыс. чел. — пятая часть всей рабочей силы региона. Развита сфера услуг, где сосредоточено две трети занятых. В 2000-х годах получила развитие обрабатывающая промышленность, в особенности пищевая и производство транспортных средств, которые концентрируют 27 тыс. работников (6% занятых в экономике и 39% — в обрабатывающих производствах). В условиях снижения уровня потребления, закрытия границ, ухудшения мировой конъюнктуры и внутреннего спроса ведущая отрасль региона — производство автотранспортных средств — в большей степени, чем другие обрабатывающие производства, ощутила на себе последствия кризиса, что привело к общему снижению всех социально-экономических показателей. По данным региональной статистики, производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов в январе — августе 2020 года составило 64% от аналогичного периода 2019 года<sup>14</sup>. Следует согласиться с Н. Зубаревич и С.Г. Сафроновым, которые отнесли регионы, специализирующиеся на автопроме и экспортно-импортных операциях, к группе наиболее пострадавших в условиях борьбы с пандемией [9].

В области работает небольшое количество крупных предприятий, что в целом затрудняет организацию целевой подготовки специалистов и вызывает достаточ-

<sup>13</sup> *Эксперты РЭУ о влиянии коронавируса на экономику // Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. URL: <https://www.rea.ru/ru/koronavirus/Pages/koronavirus-experti.aspx> (дата обращения: 25.09.2020).*

<sup>14</sup> *Социально-экономическое положение Калининградской области в январе — августе 2020 года: оперативный доклад / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Калининград, 2020.*

но острые проблемы, связанные с диспропорцией спроса и предложения рабочей силы. В структуре занятости по роду занятий большой удельный вес приходится на категории должностей, требующих высшего образования. Согласно данным выборочного обследования рабочей силы в IV квартале 2019 года среди 518 тыс. занятых насчитывается 30,7 тыс. руководителей и 135,9 тыс. специалистов высшей квалификации. Это означает, что по меньшей мере 32,1% работников должны иметь высшее образование. Если исходить из ежегодной замены по разным причинам 3% кадров, каждый год требуется 5 тыс. новых специалистов с высшим образованием. При этом калининградские вузы в 2019 году выпустили только 3,7 тыс. бакалавров, специалистов, магистров, причем часть бакалавров продолжила обучение в магистратуре. Даже если учитывать имеющиеся для других регионов прогнозы, которые указывают на снижение в ближайшей перспективе спроса на рабочую силу, в том числе на кадры с высшим образованием, региональная подготовка кадров недостаточна для потребностей экономики, и без общероссийского перераспределения рабочей силы области не обойтись. Особенно остро в последние годы стоит вопрос с обеспечением потребности в медицинских работниках всех категорий, особенно врачей узких специализаций, которых регион не готовит. В условиях борьбы с пандемией нехватка медицинских работников вызвала необходимость привлекать к работе студентов-медиков, которые входили в бригады скорой медицинской помощи<sup>15</sup>. Существует также недостаток педагогических кадров. Так, по оперативным данным регионального Министерства социальной политики, в марте 2020 года потребность в педагогах различных направлений составила 243 работника. Трудности дистанционного обучения и высокая доля среди педагогов лиц старших возрастов также послужили причиной увольнения в начале учебного 2020 года свыше 300 педагогов, о чем сообщила министр образования Калининградской области С. Трусенева<sup>16</sup>.

Среди определяющих факторов функционирования рынка труда региона в условиях распространения коронавирусной инфекции и принятых ограничительных мер наибольшее влияние оказала его территориальная обособленность от общероссийского. Рынок труда области оказался в полной изоляции, что определило худшие по сравнению с другими российскими регионами показатели. В условиях закрытия государственных границ, невозможности перераспределения высвободившихся в результате потери работы кадров в другие регионы страны участники рынка труда имели крайне незначительный маневр и возможности для регулирования социально-трудовых отношений. Таким образом, спад всех показателей рынка труда в Калининградской области оказался более серьезным по сравнению, например, с другими регионами Северо-Запада (рис. 1). Экономика Калининградской области продемонстрировала в первом полугодии 2020 года по сравнению с аналогичным периодом 2019 года максимальное по сравнению с другими регионами СЗФО РФ снижение потребности в работниках (62%), заявленной работодателями, существенный рост незанятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в органах службы занятости (в 5,8 раза), один из самых высоких в округе рост нагрузки незанятого населения, зарегистрированного в органах службы занятости населения, в расчете на 100 вакансий (в 9,4 раза).

<sup>15</sup> «Ребята, спасибо всем, мы пойдем»: министр здравоохранения рассказал, почему в Калининграде 350 медиков отказались работать с коронавирусом // Комсомольская правда. 2020. 4 мая. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27123/4211005/> (дата обращения: 25.09.2020).

<sup>16</sup> В Калининградской области накануне нового учебного года уволились свыше 300 педагогов // Клопс.ру: новостной портал. 2020. 25 авг. URL: <https://klops.ru/news/2020-08-25/219133-v-kaliningradskoy-oblasti-nakanune-novogo-uchebnogo-goda-uvolilis-svyshe-300-pedagogov> (дата обращения: 19.09.2020).

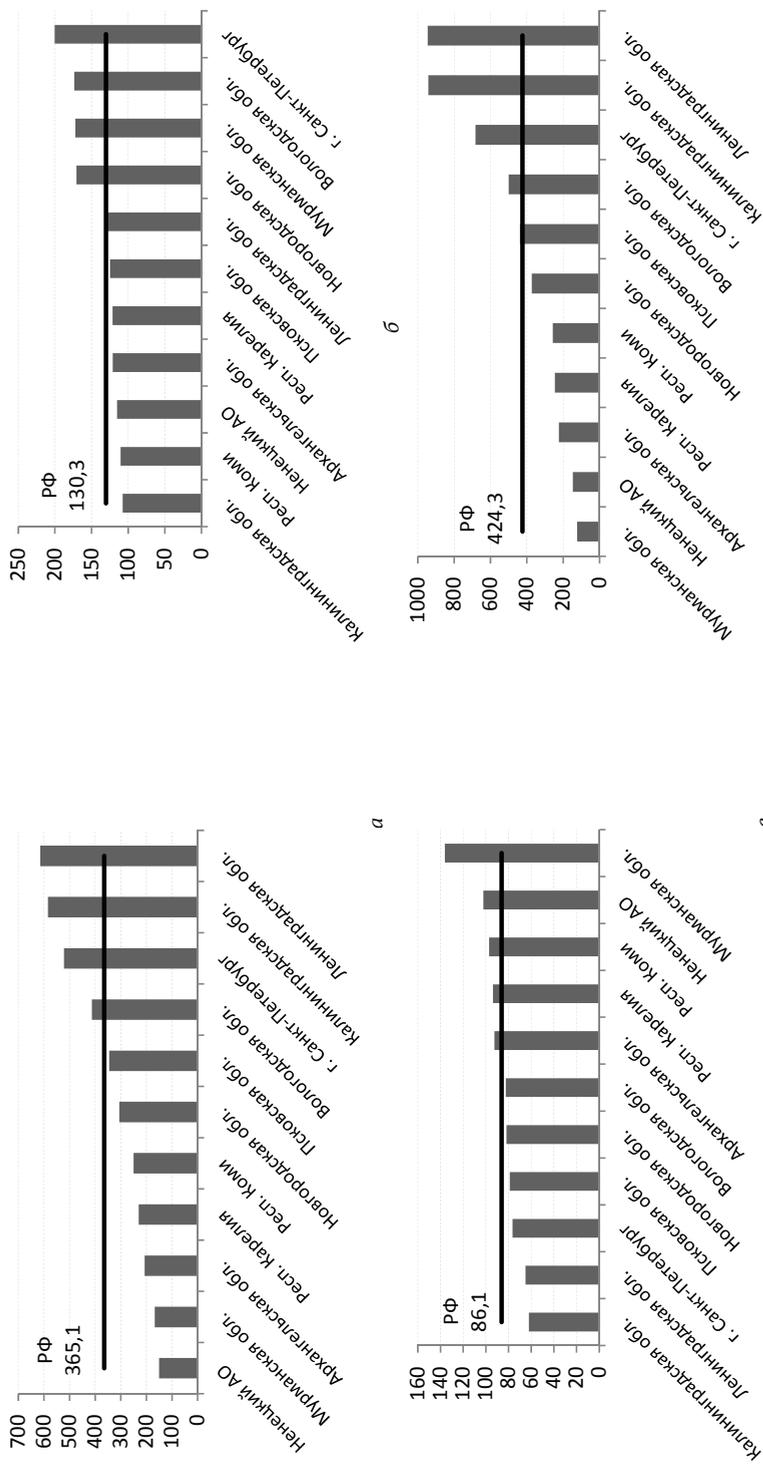


Рис. 1. Показатели рынка труда в регионах Северо-Западного федерального округа РФ в первом полугодии 2020 года, % к аналогичному периоду 2019 года:

а — численность незанятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в органах службы занятости на конец июня 2020 года; б — численность безработных в возрасте 15 лет и старше; в — потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения; г — нагрузка незанятого населения, зарегистрированного в органах службы занятости населения, на 100 заявленных вакансий

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Анализ оперативной информации по рынку труда за январь — август 2020 года показывает устойчивый рост числа незанятых трудовой деятельностью граждан, особенно в летние месяцы. Превышение данного показателя в августе по сравнению с мартом 2020 года — в 7,9 раза, превышение количества безработных за тот же период — в 8,6 раза. При этом снижение потребности в работниках произошло почти на треть, а рост нагрузки на одну заявленную вакансию в августе по сравнению с мартом 2020 года — в 10,3 раза (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели рынка труда в Калининградской области  
в марте — августе 2019 и 2020 годов, чел.**

Месяц	Число незанятых трудовой деятельностью граждан		Число зарегистрированных безработных		Потребность в работниках		Нагрузка на одну заявленную вакансию	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020
Март	5200	4937	4558	4222	15590	17800	0,3	0,3
Апрель	5119	16248	4612	13441	16136	17072	0,3	1,0
Май	4991	23522	4435	20839	17563	13235	0,3	1,8
Июнь	4985	29132	4417	27095	17151	10639	0,3	2,7
Июль	5017	34983	4351	32714	17526	10999	0,3	3,2
Август	4948	38866	4323	36343	17665	12701	0,3	3,1
Август к марту, раз	1,0	7,9	0,9	8,6	1,1	0,7	1,0	10,3

*Источник:* составлено авторами по данным Калининградстата.

Первый существенный рост обращений в службу занятости региона был зафиксирован в середине апреля, но ситуация находилась под контролем, так как количество вакансий в тот период почти в три раза превышало количество обращений. Ухудшение ситуации произошло во второй половине апреля и особенно в мае. К концу мая сложилась ситуация превышения количества безработных над количеством вакансий на 5 тыс. Наиболее пострадавшие сферы — торговля, деятельность по операциям с недвижимым имуществом, транспортировка и хранение, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, строительство, туризм. Вместе с тем с введением режима самоизоляции потребность в рабочей силе сохранялась в таких отраслях, как обрабатывающие производства, здравоохранение. В летние месяцы количество безработных граждан неуклонно росло, при этом потребность в работниках постоянно снижалась. Как показывают данные службы занятости, увеличение численности безработных более чем в 10 раз по сравнению с мартом 2020 года произошло в том числе и за счет категорий граждан, длительно (более 1 года) не работающих и впервые ищущих работу. Можно предположить, что нынешняя ситуация с введением ограничений на деятельность хозяйствующих субъектов выявила теневую занятость, и в большей степени в сфере услуг. В первую очередь пострадали те, кто был неофициально устроен, с прекращением теневой занятости им пришлось обратиться за поиском работы. Уровень регистрируемой безработицы к концу мая был 3,5%, что выше аналогичного периода прошлого года в 4,4 раза. На конец августа 2020 года уровень регистрируемой безработицы составил 6,8% от рабочей силы. Таким образом, ситуация с показателями рынка труда в условиях локдауна, вызванного пандемией, в эксклавном регионе России отличается существенно от среднероссийской и не в полной мере соответствует эксперт-

ным оценкам<sup>17</sup>. Ее улучшения в летние месяцы не произошло и быстрого выхода из кризиса тоже. Последствием кризиса для населения региона стал спад промышленного производства — 88,6% в январе — августе 2020 года к аналогичному периоду 2019 года, а также рост потребительских цен. По данным оперативной статистики, в августе 2020 года цены на продовольственные товары с начала года повысились на 4% (в августе 2019 года с начала года выросли на 0,1%), на непродовольственные товары за этот же период цены выросли в 2020 году на 3,1% (в августе 2019 года увеличение с начала года произошло на 1,6%). Несмотря на то, что статистика по замещению рабочих мест (число замещенных рабочих мест в организациях, которое определяется как суммарное количество среднесписочной численности работников, средней численности внешних совместителей и средней численности работников, выполнявших работы по договорам гражданско-правового характера), в июле 2020 года в % к аналогичному периоду 2019 года в целом по экономике не показывает сокращения занятости (100,6%), по ряду видов экономической деятельности наблюдается существенное снижение. В первую очередь это касается деятельности, связанной с операциями с недвижимым имуществом (88,6%), в обрабатывающих производствах (94,6%), в различного рода услугах (95,8%), гостиничном бизнесе и на предприятиях общественного питания (95,8%), в торговле (99,2%). При этом, по данным Калининградстата, произошло увеличение занятости в административной деятельности и предоставлении дополнительных видов услуг (119,6%), в деятельности в области информации и связи (106,2%), в добыче полезных ископаемых (106,1%).

В результате экономического спада, принятых ограничительных мер рынок труда региона отреагировал уже во II квартале 2020 года превышением количества выбывших из списочного состава работников предприятий и организаций (без субъектов малого предпринимательства) над количеством принятых работников на 3,6 тыс. чел.

Сальдо принятых и выбывших работников организаций по видам экономической деятельности в % к среднесписочной численности работников во II квартале 2020 года в среднем по России и Калининградской области показано на рисунке 2. Перечень отраслей с наиболее высокой долей сокращения работников аналогичен среднему по России. В то же время на региональном рынке труда есть отрасли с чрезвычайно высокой долей сокращения работников, значительно превосходящей средние значения по стране. Это прежде всего операции с недвижимым имуществом, образование, обрабатывающие производства, транспортировка и хранение. Максимальная доля сокращения работников характерна для операций с недвижимым имуществом, где ощущался избыток рабочей силы, и самоизоляция «подстегнула» освобождение отрасли от него. Весьма чувствительная для населения региона проблема нехватки работников образования и здравоохранения в период кризиса обострилась еще сильнее. Превышения над среднероссийскими значениями также обозначились в торговле, обеспечении электрической энергией, газом и паром и кондиционировании воздуха, деятельности в области информации и связи, финансовой и страховой деятельности, предоставлении прочих услуг. В то же время имело место перераспределение рабочей силы между отраслями. Выросла доля прироста числа работников в строительстве, сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбодоводстве, профессиональной, научной и технической деятельности, административной деятельности.

Таким образом, принимаемые меры по сдерживанию сокращения рабочих мест и сохранению заработных плат оказались не столь эффективными. Это подтверждается и результатами анализа Центра трудовых исследований ВШЭ в июне 2020 года, согласно которому после введения режима самоизоляции работу потеряли почти 10% россиян из тех, у кого она была в докарантинный период<sup>18</sup>.

<sup>17</sup> Подтверждений мрачным прогнозам не видно // Огонек. 2020. № 33. С. 14.

<sup>18</sup> *Teleworking during the COVID-19 pandemic and beyond. A practical guide.* Geneva: ILO. 2020. 47 p. URL: [https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed\\_protect/-protrav/-travail/documents/publication/wcms\\_751232.pdf](https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_protect/-protrav/-travail/documents/publication/wcms_751232.pdf) (дата обращения: 13.10.2020).

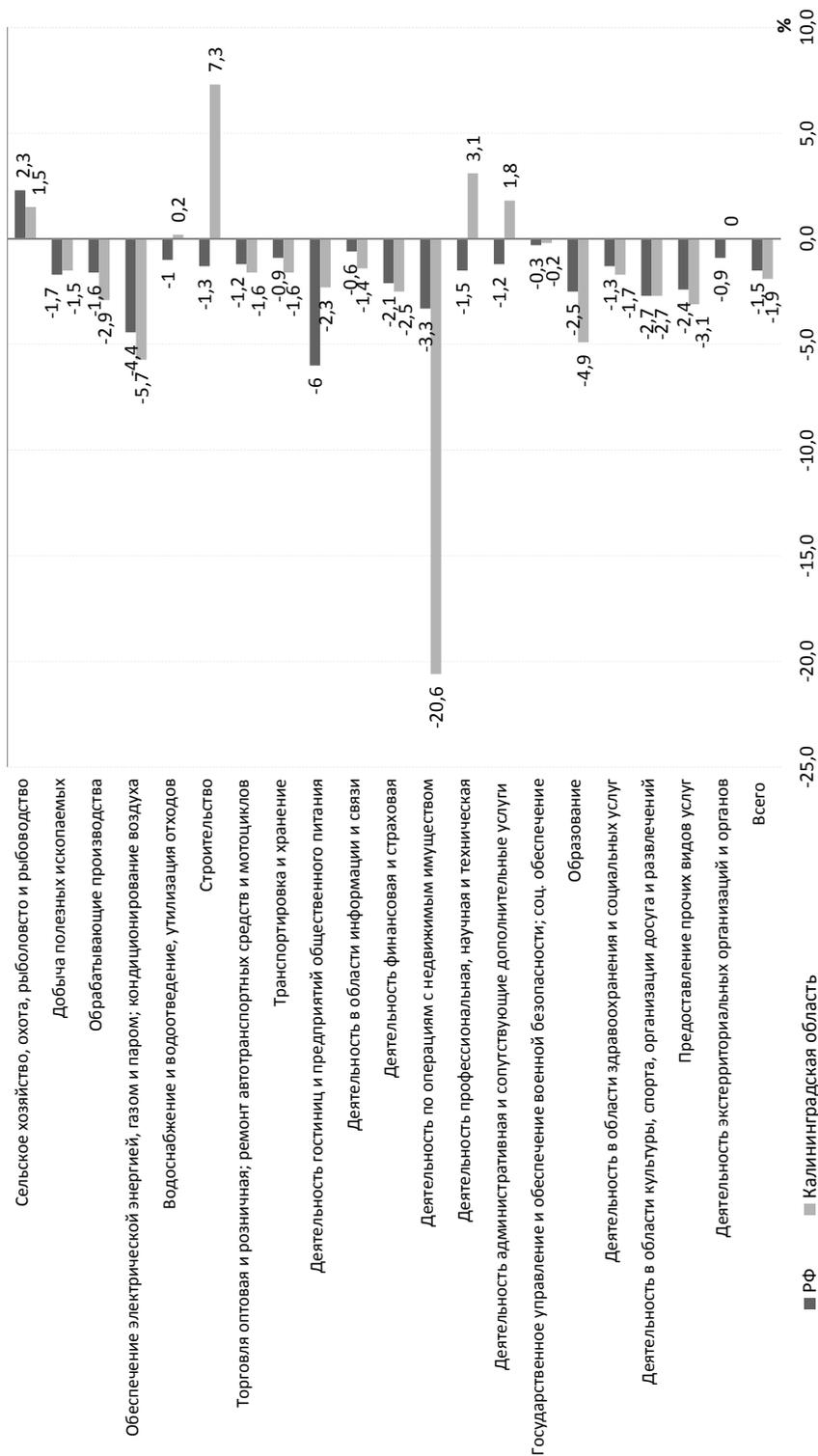


Рис. 2. Сальдо принятых и вышедших работников организаций (не относящихся к субъектам малого предпринимательства), % к среднесписочной численности работников во II квартале 2020 года в среднем по России и по Калининградской области

## Миграция трудовых ресурсов

Международная постоянная миграция демонстрировала постепенное снижение интенсивности обмена относительно аналогичного периода предыдущего года, начиная уже с февраля 2020 года (табл. 2). В разрезе отдельных стран негативная ситуация сложилась во взаимодействии с Узбекистаном, Индией, Польшей, где положительное сальдо миграции сменилось отрицательным. Что касается других стран, имеющих большое значение для формирования миграционного прироста региона (Казахстан, Киргизия, Украина, Беларусь), здесь также отмечается сокращение положительного сальдо миграции на 45—75%.

Сальдо межрегиональной миграции, напротив, показывало рост в первые семь месяцев 2020 года по отношению к аналогичному периоду 2019 года в 117%, что было достигнуто прежде всего за счет сокращения выбытий внутренних мигрантов из-за локдауна на 12% при сохранении числа прибытий примерно на том же уровне. Это свидетельствует о сложившемся в последние годы тренде наращивания объемов миграционного взаимодействия с основной территорией России. Положительную, хоть и не определяющую, роль в этом тренде играет утвержденная в 2018 году подпрограмма «Повышение мобильности трудовых ресурсов» государственной программы Калининградской области «Социальная поддержка населения» (Постановление Правительства Калининградской области от 18 ноября 2013 года № 848), согласно которой переселенцам предоставляется компенсация за переезд в регион и субсидия на покупку жилья. Она ориентирована на привлечение в регион работников информационно-коммуникационной сферы, сферы научных исследований и разработок, инжиниринговой отрасли, производства лекарственных средств и медицинских изделий, судостроения, автомобилестроения, радиоэлектронной промышленности, сельского хозяйства. Так, на 2020—2021 годы в Программе приняли участие шесть работодателей региона, планирующих привлечь суммарно 150 сотрудников за два года.

В 2020 году можно ожидать качественное изменение структуры миграционного прироста, где доля межрегиональной миграции станет фактически определяющей в замещении естественной убыли населения. Если в январе — июне 2019 года на межрегиональную миграцию приходилось около половины всего миграционного прироста, то в 2020-м — уже 79%.

Возрастная структура входящего миграционного потока в целом положительна для населения Калининградской области, однако стабилизация численности трудоспособного населения в течение 2011—2019 годов все же не наблюдается [22]. Ограничение мобильности населения в период противодействия распространению новой коронавирусной инфекции COVID-19, вероятно, приведет к существенному сокращению имеющихся объемов трудовых ресурсов и дальнейшему обострению проблемы их дефицита. Этому процессу в период пандемии способствовало также снижение интенсивности внутренней мобильности населения на 17% за январь — июль 2020 года по отношению к январю — июлю 2019 года. Пик пришелся на период максимальных ограничительных мер в апреле (20%) и мае (23%).

Негативные изменения во временной трудовой миграции также приходятся на II квартал 2020 года. Если в январе — марте 2020 года массового сокращения числа временных иностранных работников не наблюдалось, а напротив, отмечался рост в 136% по Калининградской области и в 121% по РФ, то в апреле — июне произошло падение значений показателя. Обусловлено это тем, что подавляющее большинство иностранных работников в регионе — выходцы из стран с безвизовым режимом въезда в РФ, запрет на выезд коснулся их только во второй половине марта. По Калининградской области спад оказался меньше, чем в целом по стране, — на уровне значений 2018 года, или 70% по отношению к апрелю — июню 2019 года (рис. 3).

Таблица 2

Оперативные данные о динамике числа прибывших, выбывших и saldo миграции в Калининградской области в январе — июле 2020 года

Поток миграции	Прибывшие, чел.		Выбывшие, чел.		Миграционный прирост, чел.		Уровень замещения естественной убыли населения, %*		Миграционный прирост, 2020 год, % к 2019 году						
	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020	Январь	Январь — февраль	Январь — март	Январь — апрель	Январь — май	Январь — июнь	Январь — июль
Внутрирегиональная	12149	10084	12149	10084	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Межрегиональная	10132	10043	6230	5494	5902	4549	225,7	248,6	189,2	154,8	154,2	122,1	108,1	124,2	116,6
Международная	6757	4933	2979	3701	3778	1232	218,5	67,3	111,6	83,4	54,9	31,1	27,3	28,2	32,6

Примечание: \* рассчитывается как отношение миграционного прироста к естественной убыли (по модулю), %.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата и Калининградстата.

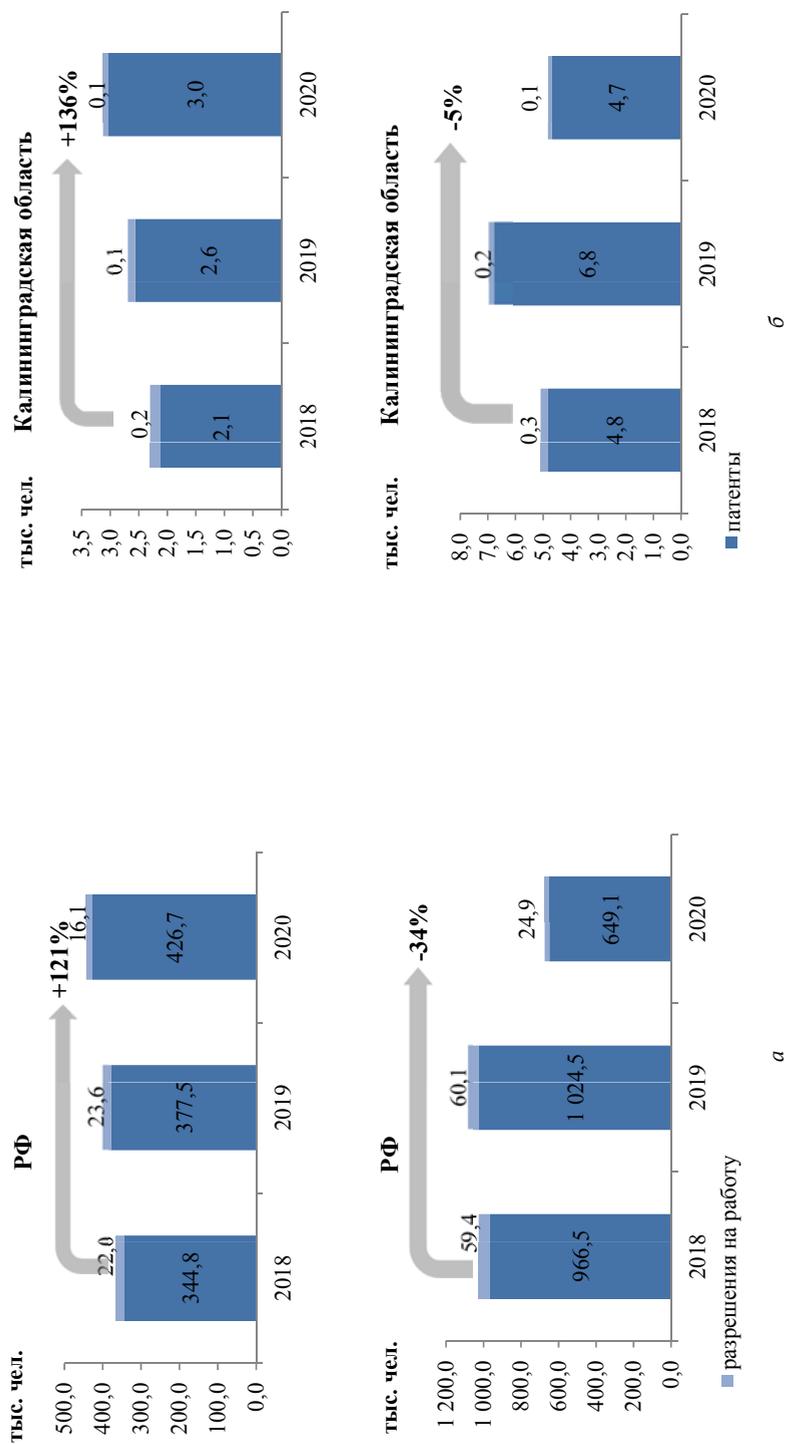


Рис. 3. Оперативные данные о динамике численности иностранной рабочей силы в Калининградской области и в РФ в первом полугодии 2018 — 2020 годов:

а — январь — март, б — январь — июнь

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

В настоящее время на территории региона находятся около 13 тыс. трудовых мигрантов. Девять из десяти иностранных работников в Калининградской области — это выходцы из Узбекистана, остальные — граждане Таджикистана, Азербайджана, Украины и Молдавии. Подавляющее большинство временных работников — это специалисты с начальным и средним профессиональным образованием, трудоустраивающиеся на региональном рынке труда в качестве рабочих. Спрос на них определяется как отсутствием необходимых квалифицированных рабочих среди местного населения вследствие сокращения их подготовки в 1990-е годы, так и нежеланием имеющихся специалистов работать на предлагаемых работодателем условиях (как правило, с более низкой оплатой труда) [27].

С учетом снижения в первом полугодии 2020 года относительно 2019 года численности жителей Калининградской области, выехавших за рубеж для работы, общее сальдо временной трудовой миграции в регионе сложилось положительное — на уровне 1 тыс. чел. Согласно данным Калининградстата из региона в 2019 году выехали за рубеж на заработки 10,9 тыс. чел., подавляющая часть которых — специалисты сферы морского рыболовства и судоходства, спрос на которых в регионе в нынешних условиях не может быть обеспечен [27]. Оценить динамику потоков трудящихся-мигрантов из других регионов России не представляется возможным ввиду отсутствия оперативных данных. Согласно последним данным Калининградстата российские внутренние временные трудящиеся-мигранты успешно замещают иностранных на тех же рабочих местах, что определено курсом, взятым региональными властями<sup>19</sup>.

В условиях особого эксклавного положения региона ограничение транспортной доступности негативно сказывается и на взаимосвязях с соседними странами, которые имеют исключительную важность не только на уровне региона, но и страны в целом, поскольку Калининградская область сегодня концентрирует 19% всей валовой постоянной миграции России с Литвой и 13% — с Польшей (хоть объемы эти крайне невелики) [28]. Временные приграничные миграционные потоки имеют преимущественно экономические причины, а также культурные и туристические. Данные о пересечениях государственной границы России и Польши демонстрируют сокращение их числа в I квартале 2020 года на 14% по отношению к аналогичному периоду 2019 года, а в первом полугодии — уже на 60%<sup>20</sup>.

## **Выводы и рекомендации**

Принятые меры федерального уровня поддержки системообразующих предприятий и организаций, населения, жизненно важных социальных сфер, в первую очередь здравоохранения, в целом для России показали свою эффективность. Снижение занятости не было стремительным, удалось сдержать сокращения работников, поддержать работающих и социально уязвимые группы населения. Вместе с тем, как показал проведенный анализ, отдельные российские регионы отреагировали на кризис локдауна более остро. И среди таких регионов находится Калининградская область, в первую очередь в силу своего особого эксклавного экономико-географического положения и специфичных условий формирования спроса и предложения рабочей силы. Исследование выявило, что принимаемые региональными властями антикризисные меры, которые вводились синхронно федеральным мерам, на первых

<sup>19</sup> О Государственной программе Калининградской области «Социальная поддержка населения»: постановление Правительства Калининградской области от 18 ноября 2013 г. № 848. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>20</sup> *Statystyki Straz Graniczna // Komenda Główna Straz Granicznej*. URL: <https://www.strazgraniczna.pl/pl/granica/statystyki-sg/2206,Statystyki-SG.html> (дата обращения: 27.08.2020).

этапах показывали свою своевременность и эффективность, но в условиях фактически изоляции регионального рынка труда от российского оказались недостаточными.

Региональные особенности кризиса в Калининградской области выразились в более затяжном и отложенном по времени проявлении характере, чем в среднем по РФ, в усилении структурной безработицы, снижении доходов населения, росте инфляции. Специфическая черта экономики области, обусловленная высокой долей малого и среднего предпринимательства, в условиях кризиса стала «слабым» местом ее рынка труда. Эффективность принимаемых мер по поддержке малого и среднего бизнеса оказалась невысока. Это говорит о малой изученности механизмов функционирования таких хозяйствующих субъектов в период кризисов и несовершенной проработке предлагаемых мер, недостаточности шагов по информированию бизнеса о мерах поддержки.

Небольшие объемы рынка труда и его региональная «самоизоляция» не создали условий для перераспределения участников рынка труда между видами экономической деятельности. Сокращение занятости коснулось не только торговли и в целом сферы услуг, но и обрабатывающих производств. Исследование подтвердило предыдущие выводы специалистов о том, что неблагоприятная с точки зрения последствий кризиса структура занятости самого западного региона страны актуализирует вопросы реструктуризации экономики, а именно необходимости снижения занятости в сфере услуг, прежде всего в торговле, и расширения отраслей занятости за счет открытия новых видов промышленного производства и предприятий с высокой добавленной стоимостью и инновационно емких и социально значимых услуг. Важно активизировать финансово-экономические рычаги регулирования рынка труда через стимулирование инвестиционной деятельности крупного и среднего бизнеса в региональной экономике, в том числе за счет внедрения новых технологий взамен импорта трудовых ресурсов, с целью ее диверсификации и усложнения.

Среди последствий ковидизации регионального рынка труда выбытие части персонала в сфере образования и здравоохранения — тех видов экономической деятельности, которые имеют давние структурные несоответствия между спросом и предложением рабочей силы. В этой связи крайне важно обратить внимание на спектр образовательной подготовки кадров в регионе. В свете растущей диджитализации рынка труда необходимо наращивать компонент обучения по применению компьютерной техники и цифровой среды в целом и по другим направлениям подготовки.

С другой стороны, увеличение роли межрегиональной миграции в замещении естественной убыли населения и сокращения численности трудовых ресурсов Калининградской области актуализирует необходимость расширения финансовых и организационных возможностей действия программ, связанных с привлечением необходимых кадров на постоянную основу. Дополнительно должна быть выстроена оперативная работа по распространению информации среди безработных о вакантных рабочих местах в других регионах РФ, о чем сегодня также заявляет глава Минтруда А.О. Котяков<sup>21</sup>. Нам представляется, что именно переселение имеет более высокую эффективность и повышенный потенциал для областного рынка труда, чем временная трудовая миграция, поскольку в межрегиональной временной трудовой миграции у региона сохраняется отрицательное сальдо. Более того, механизмы стимулирования временной занятости высвобождающихся работников в других регионах страны могут не работать для Калининградской области в силу эксклавности и достаточно высокой финансовой затратности перемещения через границы. Ожидается, что эти механизмы только поспособствуют наращиванию числа выбытий из региона для временной занятости в другие субъекты РФ.

<sup>21</sup> Котяков: Безработным надо предлагать также вакансии в других регионах // Российская газета. 2020. 31 авг. URL: <https://rg.ru/2020/08/31/kotiakov-bezrabotnym-nado-predlagat-takzhe-vakansii-v-drugih-regionah.html> (дата обращения: 19.09.2020).

Важную роль в поиске решений указанных проблем регионального рынка труда играют практики стимулирования занятости и управления трудовой миграцией за рубежом. Так, в условиях нехватки младшего медицинского и обслуживающего персонала представляется целесообразным «ослабить» административное регулирование привлечения и использования таких работников и, возможно, даже временно «заморозить» систему патентов.

Повсеместное распространение в период кризиса форм цифровой и платформенной занятости, сопровождающееся в том числе виртуальной высококвалифицированной миграцией, требует разработки нормативно-правовой основы ее регулирования, но первоначально — тщательного научного обоснования с использованием международного опыта.

### **Список литературы**

1. *Brada J.C., Marelli E., Signorelli M.* Introduction: young people and the labor market: key determinants and new evidence // *Comp. Econ. Stud.* 2014. Vol. 56, № 4. P. 556—566. <https://doi.org/10.1057/ces.2014.30>.
2. *Fadda S., Tridico P. (eds.)* Varieties of Economic Inequality. N.Y., 2016.
3. *Liotti G.* Labour market flexibility, economic crisis and youth unemployment in Italy // *Structural Change and Economic Dynamics.* 2020. Vol. 54. P. 150—162. doi:10.1016/j.strueco.2020.04.011.
4. *Verick S.* The Impact of the Global Financial Crisis on Labour Markets in OECD Countries: Why Youth and Other Vulnerable Groups Have Been Hit Hard // *From the Great Recession to Labour Market Recovery* / I. Islam, S. Verick (eds.). L., 2011. P. 119—145. [https://doi.org/10.1057/9780230295186\\_5](https://doi.org/10.1057/9780230295186_5).
5. *Sharma S., Winkler H.* The labour market effects of financial crises // *Economics of transition and Institutional change.* 2018. Vol. 26, № 1. P. 35—60. <https://doi.org/10.1111/ecot.12141>.
6. *Elsby M.W.L., Shin D., Solon G.* Wage Adjustment in the Great Recession and Other Downturns: Evidence from the United States and Great Britain // *Journal of Labor Economics.* 2016. Vol. 34, № S1, p. 2. P. 249—291 <https://doi.org/10.1086/682407>.
7. *Doris A., O'Neill D., Sweetman O.* Wage flexibility and the great recession: the response of the Irish labour market // *IZA Journal of European Labor Studies.* 2015. Vol. 4, art. № 18. <https://doi.org/10.1186/s40174-015-0041-2>.
8. *Galasso V., Foucault M.* Working during COVID-19. Cross-country evidence from real-time survey data. P., 2020. <https://doi.org/10.1787/34a2c306-en>.
9. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // *Региональные исследования.* 2020. № 2 (68). С. 4—17. 10.5922/1994-5280-2020-2-1.
10. *Hodgson G.* Migration and the Platform Economy. Policy brief. Vienna, 2020.
11. *Bahar D.* The Gig Economy: A Lifeline for Latin American Migrants — or a Dead End? // *Americas Quarterly. The Migration Issue.* 2020. Vol. 14, № 2. URL: <https://www.americasquarterly.org/article/the-gig-economy-a-lifeline-for-latin-american-migrants-or-a-dead-end/> (дата обращения: 22.09.2020).
12. *May B.* Шок спроса и шок предложения // *Ведомости: электронное периодическое издание.* 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/03/31/826664-shok-sprosa> (дата обращения: 25.09.2020).
13. *Ходжсон Г.* Возможное влияние COVID-19 на спрос на высококвалифицированных мигрантов в ЕС. Вебинар. 16 апреля 2020 года. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zUawng3dLdM> (дата обращения: 26.09.2020).
14. *Triandafyllidou A., Nalbandian L.* Covid-19 and the transformation of migration and mobility globally — “Disposable” and “essential”: Changes in the global hierarchies of migrant workers after COVID-19. Geneva, 2020.
15. *Кузнецова О.В.* Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // *Федерализм.* 2020. № 2. С. 20—38. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-2-20-38>.

16. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Карантинная экономика и рынок труда // Эконс: аналитический портал. 2020. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-gynok-truda/> (дата обращения: 13.09.2020).

17. Гимпельсон В., Капелюшников Р. «Ковидизация» российского рынка труда // «Эконс»: аналитический портал. URL: <https://econs.online/articles/opinions/kovidizatsiya-rossiyskogo-gynka-truda/> (дата обращения: 13.09.2020).

18. Ляшок В., Бурдяк А. Рынок труда в условиях коронавируса // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 15 (117). Июнь. С. 138—148.

19. Meardi G., Artiles A.M., Remo O.M., A. Van den Berg. Migration & Labour Market Uncertainty in the Light of the Crisis Segregation and Social Sustainability in Three European Countries and Two Sectors. Philadelphia, 2012.

20. Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. «Зависшие на границах» между Россией и родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 45—58. doi: 10.26653/2076-4650-2020-3-04.

21. Denisenko M., Mukomel V. Labour Migration during the Corona Crisis // Econs.online. 2020. URL: <https://econs.online/en/articles/economics/labour-migration-during-the-corona-crisis/> (дата обращения: 22.09.2020).

22. Рязанцев С.В., Брагин А.Д., Рязанцев Н.С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 7—21. doi: 10.26653/2076-4650-2020-3-01.

23. Шевцова Е. Сегодня и завтра миграционного обмена между российскими регионами и странами ЕАЭС в условиях пандемии: аналитический доклад экспертного клуба «Сибирь-Евразия». 2020. URL: [https://siu.ranepa.ru/news/img/Новый%20сайт/Аналитический%20доклад\\_миграция\\_Сибирь-Евразия.pdf](https://siu.ranepa.ru/news/img/Новый%20сайт/Аналитический%20доклад_миграция_Сибирь-Евразия.pdf) (дата обращения: 21.09.2020).

24. Yeoh B.S.A. Temporary migration regimes and their sustainability in times of COVID-19. Geneva, 2020.

25. Anderson B., Poeschel F., Ruhs M. COVID-19 and systemic resilience: What role for migrant workers? Geneva, 2020.

26. Poletaev D. Migration Consequences of the “Perfect Storm”: What Effect Will the Coronavirus Pandemic Have on Migration Issues? // The Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/migration-consequences-of-the-perfect-storm-what-effect-will-the-coronavirus-pandemic-have-on-migrat/> (дата обращения: 21.09.2020).

27. Лялина А.В. Межрегиональные и межстрановые «перетоки» трудовых ресурсов в Калининградскую область: факторы и векторы в современном евразийском контексте // Вестник БФУ им. И. Канта. 2018. Вып. 4. С. 47—64.

28. Лялина А.В. Миграционные процессы в Юго-Восточной Прибалтике // Калининградская область в новых координатах Балтийской геополитики: монография / под ред. И.Н. Тарасова, Г.М. Федорова. Калининград, 2020. С. 189—221.

## Об авторах

**Лариса Леонидовна Емельянова**, кандидат географических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: [larissaemel@yandex.ru](mailto:larissaemel@yandex.ru)

<https://orcid.org/0000-0001-6242-7825>

**Анна Валентиновна Лялина**, кандидат географических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: [anuta-mazova@mail.ru](mailto:anuta-mazova@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

## THE LABOUR MARKET OF RUSSIA'S KALININGRAD EXCLAVE AMID COVID-19

L. L. Yemelyanova  
A. V. Lyalina

Immanuel Kant Baltic Federal University  
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 10 October 2020  
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-4  
© Yemelyanova, L. L. Lyalina, A. V., 2020

*The COVID-19 pandemic, which has swept across the globe, is a serious challenge to the Russian labour market. This article examines the consequences of COVID-19 for Russia's Kaliningrad exclave and how its territorially isolated and lockdown-affected small labour market responds to drastic changes in employment, income, and consumption. Another question is how the immigrant-rich labour market will rebalance the supply-demand equation. Official statistics from the regional government and its subordinate bodies shows that the Kaliningrad regional labour market has been severely battered by shutdown measures. This particularly applies to organisations operating in the most sensitive industries: manufacturing, hospitality, tourism, estate, transport, and warehousing. The unemployment has gone up, reaching a level above the national average; the number of vacancies is dwindling. Keeping the proportion of out-of-the-region workforce at the usual level may aggravate the situation. Although effective, the measures taken by the regional authorities seem insufficient for an isolated regional labour market.*

### Keywords:

great lockdown, COVID-19, pandemic, migration, labour market, unemployment, migrant workers, Kaliningrad region, Russia

### References

1. Brada, J.C., Marelli, E., and Signorelli, M. 2014, Introduction: young people and the labor market: key determinants and new evidence, *Comp. Econ. Stud.*, vol. 56, no. 4, p. 556—566. doi: <https://doi.org/10.1057/ces.2014.30>.
2. Fadda, S., Tridico, P. (eds.) 2016, *Varieties of Economic Inequality*, NY, Routledge.
3. Liotti, G. 2020, Labour market flexibility, economic crisis and youth unemployment in Italy, *Structural Change and Economic Dynamics*, no. 54, p. 150—162. doi:10.1016/j.strueco.2020.04.011.
4. Verick, S. 2011, The Impact of the Global Financial Crisis on Labour Markets in OECD Countries: Why Youth and Other Vulnerable Groups Have Been Hit Hard. In: Islam, I., Verick, S. *From the Great Recession to Labour Market Recovery*, p. 119—145. doi: [https://doi.org/10.1057/9780230295186\\_5](https://doi.org/10.1057/9780230295186_5).
5. Sharma, S., Winkler, H. 2018, The labour market effects of financial crises, *Economics of transition and Institutional change*, vol. 26, no. 1, p. 35—60. doi: <https://doi.org/10.1111/ecot.12141>.
6. Elsby, M.W.L., Shin, D., Solon, G. 2016, Wage Adjustment in the Great Recession and Other Downturns: Evidence from the United States and Great Britain, *Journal of Labor Economics*, vol. 34, S. 1, Part 2, p. 249—291. doi: <https://doi.org/10.1086/682407>.
7. Doris, A., O'Neill, D., Sweetman, O. 2015, Wage flexibility and the great recession: the response of the Irish labour market, *IZA Journal of European Labor Studies*, vol. 4, Article № 18. doi: <https://doi.org/10.1186/s40174-015-0041-2>.

8. Galasso, V., Foucault, M. 2020, *Working during COVID-19. Cross-country evidence from real-time survey data*, OECD Publishing, Paris. doi: <https://doi.org/10.1787/34a2c306-en>.
9. Zubarevich, N.V., Safronov, S.G. 2020, Regions of Russia in the acute phase of the COVID crisis: differences from previous economic crises of the 2000s, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 2 (68), p. 4—17. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-1> (in Russ.).
10. Hodgson, G. 2020, *Migration And The Platform Economy. Policy Brief*, Vienna, Prague Process Secretariat.
11. Bahar, D. 2020, The Gig Economy: A Lifeline For Latin American Migrants — Or A Dead End? *Americas Quarterly*, The Migration Issue, no. 14 (2), available at: <https://www.americasquarterly.org/article/the-gig-economy-a-lifeline-for-latin-american-migrants-or-a-dead-end/> (accessed 22.09.2020).
12. Mau, V. 2020, Shok Sprosa I Shok Predlozheniya, *Vedomosti*, available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/03/31/826664-shok-sprosa> (accessed 25.09.2020) (in Russ.).
13. Hodgson, G. 2020, *The possible impact of COVID-19 on the EU's demand for high-skilled migrants*, Webinar, April 16, 2020, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=zUawng-3dLdM> (accessed 26.09.2020).
14. Triandafyllidou, A., Nalbandian, L. 2020, *Covid-19 and the transformation of migration and mobility globally — “Disposable” and “essential”: Changes in the global hierarchies of migrant workers after COVID-19*, Geneva, IOM.
15. Kuznetsova, O.V. 2020, Vulnerability of Regional Economies' Structure in Crisis Conditions, *Federalism*, no. 2, p. 20—38. doi: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-2-20-38> (in Russ.).
16. Kapelyushnikov, R., Gimpelson, V. 2020. *Karantinnaya Ekonomika I Rynok Truda*. [online] *Econs.online*. Available at: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-rynok-truda/> [Accessed 13 September 2020] (in Russ.).
17. Kapelyushnikov, R., Gimpelson, V. 2020, “Covidization” of the Russian labor market, *Econs.online*, available at: <https://econs.online/articles/opinions/kovidizatsiya-rossiyskogo-rynka-truda/> (accessed 13.09.2020) (in Russ.).
18. Lyashok, V., Burdyak, A. 2020, Rynok truda v usloviyakh koronavirusa, *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of social and economic development], no. 15 (117), June, p. 138—148 (in Russ.).
19. Meardi, G., Artiles, A., Remo, O. van den Berg, A. 2012, *Migration & Labour Market Uncertainty in the Light of the Crisis Segregation and Social Sustainability in Three European Countries and Two Sectors*, ILERA World Congress 2012, Track 1. Transnational Movement of Labour & Growing Diversity in the Workforce, available at: [https://warwick.ac.uk/fac/soc/wbs/research/irru/publications/recentconf/gm\\_-\\_ilera2012\\_3.pdf](https://warwick.ac.uk/fac/soc/wbs/research/irru/publications/recentconf/gm_-_ilera2012_3.pdf) (accessed 15.09.2020).
20. Ryazantsev, S.V., Vazirov, Z.K., Garibova, F.M. 2020, Stranded on the borders' between Russia and the homeland: migrants from Central Asia countries during the covid-19 pandemic, *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Jekonomika i parvo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], no. 3, p. 45—58. doi: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-04> (in Russ.).
21. Denisenko, M., Mukomel, V. 2020, Labour Migration During The Corona Crisis, *Econs.online*, available at: <https://econs.online/en/articles/economics/labour-migration-during-the-corona-crisis/> (accessed 22.09.2020).
22. Ryazantsev, S.V., Bragin, A.D., Ryazantsev, N.S. 2020, Situation of labor migrants in the regions of the world: challenges of the covid-19 pandemia and the response of governments, *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Jekonomika i parvo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], no. 3, p. 7—21. doi: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-01> (in Russ.).
23. Shevtsova, E. 2020, *Segodnya I Zavtra Migratsionnogo Obmena Mezhdru Rossiiskimi Regionami I Stranami EAES V Usloviyakh Pandemii* [Today And Tomorrow Migration Exchange Between Russian Regions And EAEU Countries In A Pandemic], Analytical report, Expert club 'Sibir-Eurasia' (in Russ.).
24. Yeoh, B.S.A. 2020, *Temporary migration regimes and their sustainability in times of COVID-19*, Geneva, IOM.

25. Anderson, B., Poeschel, F., Ruhs, M. 2020, *COVID-19 and systemic resilience: What role for migrant workers?* Geneva, IOM.

26. Poletaev, D. 2020, Migration Consequences of the “Perfect Storm”: What Effect Will the Coronavirus Pandemic Have on Migration Issues? *The Russian International Affairs Council*, available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/migration-consequences-of-the-perfect-storm-what-effect-will-the-coronavirus-pandemic-have-on-migrat/> (accessed 21.09.2020).

27. Lialina, A.V. 2018, Interregional and cross-country flows of labor resources in the Kaliningrad region: factors and vectors in the contemporary Eurasian context, *Vestnik BFU im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki* [VESTNIK IKBFU. NATURAL AND MEDICAL SCIENCES], no. 4, p. 47–64 (in Russ.)

28. Lialina, A.V. 2020, Migratsionnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Pribaltike. In: Tarasov, I.N., Fedorov, G.M. (eds.) *Kaliningradskaya oblast' v novykh koordinatakh Baltiiskoi geopolitiki* [Kaliningrad region in the new coordinates of the Baltic geopolitics], Kaliningrad, IKBFU Publishing, p. 189–221 (in Russ.).

## **The authors**

---

**Dr Larisa L. Yemelyanova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: [larissaemel@yandex.ru](mailto:larissaemel@yandex.ru)

<https://orcid.org/0000-0001-6242-7825>

**Dr Anna V. Lyalina**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: [anuta-mazova@mail.ru](mailto:anuta-mazova@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

---